

ВСПОМИНАЯ ВЯЧЕСЛАВА СЕМЕНОВИЧА СТЕПИНА

В декабре 2018 года ушел из жизни Вячеслав Семенович Степин, выдающийся российский философ, организатор науки, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный директор Института философии РАН, руководивший этим институтом в 1988–2006 годы, многолетний заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Российского философского общества.

О В.С. Степине вспоминают его друзья, соратники и коллеги.

В.С. Степин
на лекции
в Санкт-
Петербургском
государственном
университете
профсоюзов.
2013

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

А.А. Гусейнов

(академик РАН, научный руководитель Института философии РАН)

С Вячеславом Семеновичем мы познакомились в 1988 году, когда он был назначен директором в Институт философии РАН, в который я сам пришел за год до этого в качестве заведующего сектором. Ему было за пятьдесят, а мне под пятьдесят — возраст, когда люди сходятся редко, не без настороженности. Это сказалось и в нашем случае: мы всегда оставались на «Вы», соблюдая эту вы-дистанцию и в речи, и в других формах общения. Вскоре он пригласил меня быть своим заместителем. Не могу сказать, почему он меня пригласил, ибо сам этого не знаю. Но с тех пор был рядом с ним 25 лет — это годы ответственных решений, сложных ситуаций и одновременно дружной работы, товарищеских отношений, профессионального взаимопонимания. Годы близости не принизили сами отношения: это тот случай, когда большое видно также лицом к лицу. Всегда чувствовал масштаб его личности.

Вячеслав Семенович был витально необычайно одарен, обладал прекрасной физической формой, природной памятью, художественным вкусом, был широко образован, знал русскую поэзию едва ли не также хорошо, как физику, которую он изучал наряду с философией, почти профессионально ориентировался в изобразительном искусстве и архитектуре, — и все это украшал ясный, логически строгий, системный ум. Ум у него был всесторонний — наряду с теоретическим, наиболее полно сказавшимся в его исследованиях по философии науки, он обладал также блестящим практическим умом, что обнаружилось в его успешной научно-организационной работе и в точности суждений о людях. Буквально несколько штрихов его практического ума: он умел в управлении отличать главное от неглавного, и, держа под контролем главное (как он называл, реперные точки), неглавное пускал на самотек, не лез в мелочи. Он не держал зла на окружающих, точнее, не впускал в себя зло и раздражение, возникающие недопонимание, недовольство; конфликт он стремился тут же разрешить, снять, закрыть. Он был удивительно снисходителен к людям, понимал, что они преследуют свои интересы, выгоду, что могут обмануть, схитрить и т.п., учитывал это, но никогда не осуждал. Он, что называется, начисто был лишен того, что можно было бы назвать морализированием, от него невозможно было услышать инвектив типа «это — подлость», «как не стыдно» и т.п.; он не ставил между собой и окружающими искусственных барьеров, не закрывался от них начальственным положением, званиями, самомнением. Даже со (как бы помягче сказать), странными людьми, он мог разговаривать, как с коллегами (иногда даже складывалось впечатление, что ему не важно, с кем он говорит, а важно лишь, *что* он говорит). Вячеслав Семенович не только исследовал рационализм как научную методологию, но и сам был рациональным человеком.

Рациональность его выражалась не просто в том, что он обладал острым практическим умом, умел находить наиболее экономные решения, хорошо просчитывать шаги и варианты действий. Он исходил из того, что своя рациональность есть и в действиях людей, которая определяется их личными интересами, и в их взаимоотношениях, которая определяется соотношением их ролей и статусов. Вячеслав Семенович умел вскрывать в клубке мотивов и страстей заложенный в них рациональный смысл, просчитать наперед возможные ходы и принимать решения со знанием дела. Его рациональность не означала ни акцентированной деловитости (он очень любил дружеские беседы, порой даже без определенной темы), ни душевной черствости (многие в институте любили заходить к нему в кабинет на чай), она состояла в том, что он не хотел обманываться. Всегда хотел иметь ясную голову, смотрел на мир трезво, жил с открытыми глазами.

С уходом Вячеслава Семеновича мы лишились огромного интеллектуального и человеческого богатства. Это большая утрата для всей русской философии. Не только потому, что академик Степин был выдающимся ученым мирового уровня. Есть еще одна исключительно важная причина: он в течение тридцати лет был общепризнанным лидером нашей философии и как интеллектуальной области, и как организованного сообщества. Он был и формальным лидером в силу занимаемых должностей: директор ведущего академического института, президент Российского философского общества, руководитель секции философии РАН. Но он был также фактическим лидером в силу своего научного и человеческого авторитета. Само такое соединение в одном лице

А.А. Гусейнов,
В.В. Миронов,
В.С. Степин.
2002

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

формального и фактического лидерства — редкая удача, достигнутая в нашем отечественном философском цеху в случае Вячеслава Семеновича едва ли не впервые. А то, что это было столь долго и, самое главное, случилось в переломные годы, когда все-речь под угрозой находился общественный статус нашей философии и ее институтов — это, можно сказать, было просто счастьем. Лидерство Степина и признание этого лидерства со стороны всего российского философского сообщества явились одной из важных причин того, что наше сообщество не раскололось, как это произошло во многих других сферах культуры и науки, что мы сохранили наш общественный статус, вышли на новые рубежи, сохранив преемственность с советской философией, в особенности с философией шестидесятников, одним из ярких представителей которой был Вячеслав Семенович Степин.

В.А. Лекторский

(академик РАН, главный научный сотрудник
Института философии РАН)

С Вячеславом Семеновичем Степиным уходит целая эпоха в нашей философской жизни. Начать с того, что в 1990-е годы ему удалось отстоять философию как университетскую дисциплину и, более того, обеспечить условия для ее развития на много лет вперед. Но главное, его теоретические идеи оказали и продолжают оказывать значительное влияние на дискуссии в различных проблемных областях философии, в первую очередь, философии науки.

Это прежде всего развитая им оригинальная концепция строения, функционирования и развития научной теории. В противовес господствовавшим до недавних пор в мировой философии науки представлениям о том, что теория должна быть понята как гипотетико-дедуктивная конструкция, Вячеслав Семенович детально разработал иное понимание теории — как сложного взаимоотношения содержательных и формальных операций и как исторически развивающейся конструкции, в которой особую роль играет научная картина мира. Важно, что в построении этой картины участвуют особые универсальные представления, характерные для той или иной исторической культуры.

Культура всегда была важнейшим предметом анализа Вячеслава Семеновича. С ней он связывал и развитие науки, и характер научных исследований. В этой связи он развил оригинальную концепцию исторических типов научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической. При этом он обращал особое внимание на то, что постнеклассическая рациональность включает учет человеческих ценностей. Как сегодня становится все более ясно, идея постнеклассической рациональности помогает понять многие

проблемы, являющиеся сегодня предметом острых дискуссий, особенно в науках о человеке: психологии, социологии, культурологии, когнитивной науке — и это признают сами представители этих дисциплин. В.С. Степин вообще связывал философию науки с философским исследованием человека и наук о человеке, недаром одна из его книг называется «Философия науки и философская антропология».

Философские категории были им поняты как особые абстракции культурных универсалий, а философия — как построение особых «жизненных миров», некоторые из которых могут реализоваться практически.

Вячеслав Семенович разработал концепцию «техногенной цивилизации», возникшей в XVII столетии, дожившей до нашего времени и ныне обнаруживающей сильнейшие признаки деградации, разрушения человека. Будущее он связывал со своеобразной «антропологической революцией», с формированием новой системы ценностей во взаимоотношениях людей к природе и друг к другу.

Это был удивительный человек, большой талант, исключительно плодотворно работавший в самых разных областях философии, постоянно продуцировавший новые идеи и щедро ими делившийся.

Вячеслав Семенович был чутким, деликатным человеком. Я знал его в течение 50 лет и горжусь тем, что могу считать его своим другом.

В.В. Миронов

(член-корр. РАН, декан философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова)

Вячеслав Семенович был многообразен и одновременно целостен в своем мировоззрении и мироощущении. Он обладал удивительно мощным мышлением, позволявшим ему проникать в самые разные сферы постижения мира, бытия, что и характеризует настоящего философа. Он прекрасно разбирался в науке, в том числе и в самых современных теориях и одновременно был человеком, который имел собственное представление об искусстве. Об этом знают меньше, но те, кто с ним общался, наверняка помнят его изумительное чтение стихов и рассказы о дружбе с известными поэтами и прозаиками (в том числе, из любимой им Белоруссии), произведения которых он мог читать и на белорусском языке.

Ему были присущи основные свойства, необходимые для философа. Это *чрезвычайная любознательность*. Если он слышал что-то новое для него, а учитывая его энциклопедический объем знаний это была редкость, то он буквально впитывал это новое. Такая форма проявления любознательности делала его очень открытым человеком, никогда не подчеркивающим собственный статус

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

В.С. Степин
на конференции
в Карлсруэ,
Германия.
2007

и регалии: в диалоге он всегда был с другим на равных. Такая открытость характера иногда граничила с наивностью, всецелым доверием к людям, которые, к сожалению, иногда этим пользовались. Немногим известны перипетии белорусского периода его жизни, когда именно на сконструированной провокации и использовании его открытости его исключили из партии, обвинив в антисоветчине при оценке событий 1968 года. И лишь горьком партии заменил, после апелляции, это решение на строгий выговор.

Думаю, что именно эти события стали источником его *постоянного экзистенциального переживания проблемы взаимоотношений философии и власти*, дополненного уже опытом большой административной работы, а значит, неизбежного контакта с властью. Переосмысливая тезис К. Маркса о том, что «истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени», он, с одной стороны, выделяет в ней консервативный вектор, основанный на доминировании «канонизированных стилей мышления и традиций». С другой стороны — философия разрывает рамки доминирующей культуры, осмысливая новые явления и часто определяя новые тенденции развития культуры. Это порождает сложные взаимоотношения философии и власти в целом, противоречия между конкретным мыслителем, выступающим от имени свободного мышления, и идеологией, как выражением доминирующей властной позиции.

Степин формулирует своеобразный критерий, позволяющий давать оценку той или иной стадии развития государства именно по отношению последнего к философии: «В состояниях социальной стагнации власть всегда стремится контролировать философскую мысль, превратить философию в идеологию, до предела сузив ее творческий научный потенциал» (Вопр. философии, 2004. № 9). Но философия конструирует модели будущего, а значит, готовит почву для будущих общественных изменений. Философия — это наука «о возможных мирах человеческой деятельности» (там же).

В.С. Степин всегда оставался человеком диалога, который мог бесконечно длиться: в машине или автобусе, на улице, когда он ставил свой портфель рядом и время застывало; он спорил, слушал, перебивал и соглашался. Диалог во всем и по любому поводу — было, наверное, его главным качеством, что также является важнейшей формой философской коммуникации.

Сам образ В.С. Степина по-своему представлял реализацию античной идеи гармоничной связи души и тела. Прекрасный спортсмен, пловец, баскетболист, байдарочник. Не случайно одним из его друзей в Германии является Ханс Ленк, олимпийский чемпион, который даже внешне схож с ним. Такая гармония души и тела, в которой пребывал Вячеслав Семенович, была одновре-

менно и фактором дополнительного переживания в конце жизни, когда он стал чаще болеть и наступил момент своеобразного расхождения между присущей ему молодости разума и ощущения некоторой физической слабости.

Мои личные взаимоотношения с Вячеславом Семеновичем постепенно переросли в дружбу, признаком которой стало однажды неожиданное его предложение мне обращаться к нему на «ты». Признаюсь, для меня это было очень трудно, и первое время я часто сбивался на «Вы», на что он реагировал напоминанием о нашей договоренности.

Начало наших взаимоотношений было по-своему не простым, и об этом стоит рассказать. В конце 1980-х годов я стал заместителем декана философского факультета, а в 1989 году на факультете была создана кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, которую возглавил академик И.Т. Фролов. В силу должности я занимался организацией учебного процесса на этой кафедре. Наличие такой кафедры обеспечило тесный контакт с Институтом философии, который ранее рассматривался некой высшей идеологической инстанцией по отношению к факультету.

Однажды декан нашего факультета А.В. Панин сообщил мне, что его пригласил к себе директор Института философии для обсуждения работы кафедры; А.В. Панин предложил присоединиться к нему. Приехав в Институт к назначенному времени, мы более часа вынуждены были просидеть в приемной директора. Для меня это было непривычно, и я стал уговаривать А.В. Панина уехать. Встреча состоялась, но у меня осталось впечатление, что это была не встреча «на равных», а некий отчет декана. В частности, речь шла о том, что студенты плохо посещают занятия, и именно факультет должен обеспечивать их присутствие. Я тогда прокомментировал, что это университет, и лучшим фактором посещения студентов являются просто качественные лекции, которые читаются хорошими специалистами. Вячеслав Семенович согласился с этим.

В 1998 году меня избирают деканом, а Степин с 1999 года становится заведующим кафедры философской антропологии на нашем факультете. Как-то ко мне в приемную позвонила секретарь директора Института философии и официальным тоном пригласила на встречу к В.С. Степину. На это я ответил, что я декан факультета, а В.С. Степин — заведующий кафедрой на нашем факультете, поэтому я готов его принять у себя в любое удобное время и по любому вопросу. Такой ответ несколько смутил секретаря. Тем не менее, уже через час она перезвонила и сказала, что Степин обязательно придет после лекции, которую он завтра читает на факультете. Это оказалось знаковым событием. Мы встретились с ним и после этого отношения факультета с Институтом философии стали достаточно быстро меняться в лучшую сторону. Как я уже отметил, долгое время позиция по отношению

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

к факультету была в лучшем случае позицией старшего брата по отношению к младшему. Например, в начале 1990-х годов возникла идея организовать обязательную переподготовку всех наших преподавателей, включая профессоров, в стенах Института с выдачей отдельного сертификата. Я тогда выступил категорически против, иронично предложив организовать симметричную переподготовку для сотрудников ИФРАН на базе нашего факультета. Вячеслав Семенович все понял, и мы убедили министерство отказаться от этой идеи. Постепенно отношения с коллегами из Института философии вышли на нормальный уровень, и все эти годы мы помогали друг другу в разных ситуациях. Например, при попытках убрать философию из вузовских программ или отказаться от вступительного экзамена по философии в аспирантуру, или, уже в более поздние годы, снять историю философии в качестве отдельной специальности в диссертационных советах.

Мы иногда встречались у меня дома. Я на всю жизнь запомню наши прогулки-диалоги, которые могли длиться часами, когда Вячеслав Семенович буквально фонтанировал новыми идеями и рассуждениями. Мы были действительно близки и, наверное, неслучайно он предложил мне когда-то баллотироваться в члены-корреспонденты РАН. Я это особо хочу отметить, так как традиционно профессоров факультета очень редко «допускали» до выборов. Это стало отражением наших отношений с Институтом философии, которые были во многом сконструированы В.С. Степиным, а затем плодотворно развивались А.А. Гусейновым и продолжают успешно сохраняться при нынешнем директоре Института философии А.В. Смирнове.

И.Т. Касавин

(член-корр. РАН, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН)

Размышления о послевоенных путях формирования отечественной философской традиции неизбежно приводит нас к осмыслению феномена шестидесятников — наших старших современников, родившихся в начале тридцатых годов XX века. Этих людей уже обожгла, но не уничтожила война, они заглянули в разверстую пасть сталинских репрессий, но не были поглощены ею. Их юношеский оптимизм питался образом Великой Победы и XX съезда КПСС. В начале тридцатых годов родилось немало замечательных отечественных философов, но 1934 год стал, кажется, особенно плодотворным. Он подарил России целую россыпь будущих талантов, среди которых П.П. Гайденко, Н.В. Мотрошилова, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев... В этом же году родился и Вячеслав Семенович Степин.

Путь В.С. Степина в философии был во многом типичным для философа науки его времени: постижение идей философов прошлого шло параллельно углубленному изучению естественных наук. Закономерным результатом этих штудий стала кандидатская диссертация «Общеметодологические проблемы научного познания и современный позитивизм». В центре работы стояли глубокие проблемы структуры и развития научного знания, обнаруженные в трудах неопозитивистов и задававшие современную повестку философии науки. Докторская диссертация Вячеслава Семеновича «Проблема структуры и генезиса физической теории» стала еще более явным шагом вперед. В ней была предложена оригинальная концепция структуры теоретического знания в физике: В.С. Степин разграничил и обстоятельно описал соотношение научной картины мира, норм и идеалов науки, теоретической схемы, ее семантической и эмпирической интерпретации на материале реконструкции электродинамики Фарадея–Максвелла. Как отмечали позднее многие, эта концепция успешно решала проблемы, поставленные критическим рационализмом и исторической школой (сложность теоретического знания, природа научных революций, несоизмеримость теорий, теоретическая нагруженность опыта, соотношение разных типов интерпретаций, интеграция аномалий).

Вячеслав Семенович неустанно работал над дальнейшим эмпирическим и теоретическим обоснованием своей концепции, ее тестированием и развитием на новом материале, обсуждением ее деталей в широких кругах ученых и философов. И к выходу его фундаментального труда «Теоретическое знание» (М., 2000) стало окончательно ясно, что его автор — не только создатель одной из наиболее известных отечественных школ и программ развития философии науки и техники, философ международной известности, но лидер российской философии вообще. Им была разработана целостная исследовательская программа анализа теоретического знания и построения единой картины реальности — природной, социальной, культурной — на основе идей универсального эволюционизма. Более того, она вписывалась автором в широкий культурный, социальный и исторический контекст благодаря концепции типов рациональности.

Уникальность ситуации состоит в том, что эта исследовательская программа уже при жизни Вячеслава Семеновича обрела широчайшее признание и практическое применение в самых разных областях философии и истории науки, в биологии, космологии, социологии, лингвистике, экономике, истории медицины, правоведеии и пр. Тем самым находила подтверждение идея методологического единства научного знания, которую отстаивал В.С. Степин. Однако он продолжал искать содержательные основания этой идеи, обратившись к проблематике социальной философии.

Картина социальной реальности, или социальная картина мира — одна из тех новаций Вячеслава Семеновича, которая сформулирована им в последние годы. Она призвана естественным об-

разом дополнить его концепцию науки и техногенной цивилизации путем обобщения работ, посвященных социальной философии и философской антропологии. Одновременно она содержит определенный потенциал для того, чтобы по-новому высветить роль и место философии в системе социально-гуманитарного познания.

Когда В.С. Степин пишет о типах рефлексии по поводу культурных универсалий (ретроспективном и перспективном, концептуальном и экзистенциальном), то фактически показывает, как в этом процессе философские, специально-научные и вненаучные представления взаимодействуют друг с другом. Обыденный опыт, повседневное сознание, естественный язык являются неизбежными компонентами социальной картины мира, даже если она претендует на научность. Наряду с доминирующей и даже интегральной картиной мира в социуме существуют картины мира малых групп. Однако многообразие универсальных и локальных картин в обществе не коррелирует с многообразием научных дисциплин. Едва ли сегодня есть смысл акцентировать фрагментацию естествознания с помощью понятия «специально-научная картина мира» (физическая, биологическая и проч.). Скорее, имеет место конкуренция ряда глобальных картин (эволюционистской, синергетической, сетевой и проч.), каждая из которых уже предполагает определенный междисциплинарный синтез (не без участия и социально-гуманитарного знания). Сегодня все в большей степени выясняется, что «специальные социальные картины мира» (политическая, экономическая, лингвистическая, психологическая) малопродуктивны, а метафоры типа «homo economicus» себя в целом исчерпали. Экономика пронизана политикой, коллективной психологией и не менее, чем психология, нагружена обыденными метафорами, экономическими интересами и политическими пристрастиями. Принципиальная междисциплинарность всякого социального исследования и, следовательно, социальной картины мира — тот факт, который постепенно осознается и применительно к естествознанию, где идея «уровней реальности» уже утрачивает всякий кредит доверия: осознается подвижность онтологических границ между живым и неживым, сознанием и психикой, развитием и саморазвитием. Из динамической онтологии вытекает идея динамики ценностей, которые в рамках доминирующей картины мира по определению сохраняют стабильность. Глобальные структуры направлены на самосохранение, источник же изменений — это деятельность малых групп, локальные формы сознания и коммуникации.

Перенос социальных идей и ценностей, «прививки», о которых говорит В.С. Степин, становятся возможными в условиях коммуникации, которая идет снизу, от малых групп, к государственным структурам. Великие фигуры — Людовик Святой и Карл Великий, Иван Грозный и Петр Столыпин, Наполеон и Бисмарк, У. Черчилль и Ф. Рузвельт — по определению принадлежат прошлому. Образы

политических деятелей по мере ускорения общественного развития столь же стремительно утрачивают всякую харизму: значение личности в истории растет не по Толстому, а по Чехову. Социальная динамика оказывается продуктом всепроникающей коммуникации, о которой пишут К. Ясперс и Н. Луман, и которая, по мысли Ю. Хабермаса, призвана приобрести форму рациональных переговоров. В современных рассуждениях о модернизациях и инновациях ставится задача создания «коммуникационных площадок», где разные социальные группы (чиновники, предприниматели, ученые, инженеры) могли бы согласовывать как свои насущные интересы, так и языки, или локальные «картины мира». Единство, с одной стороны, современной цивилизации (технологии) и, с другой — культуры как коммуникации, есть условие существования и развития обеих. По мере того, как роль культуры в современном обществе осознают не только ученые-гуманитарии, философия становится востребованной на коммуникативных площадках (в зонах обмена, локальных центрах публичного пространства) в функции медиатора. И это уже не та философия, которая ограничена лишь квинтэссенцией эпохи или культуры, но философия как культ свободной мыслящей личности и ее специфическая практика. Лишь при этом условии высшие формы духовной культуры выступают в качестве реального фактора общественного развития. Данная идея социальной картины мира, культурной динамики и свободной личности как триггера коммуникации и направляла научно-философский поиск В.С. Степина.

Вячеслав Семенович не только создал влиятельную исследовательскую программу в области философии, но и своей жизнью доказал, что философия способна влиять на общественное сознание, выступая медиатором в системах интеллектуальной коммуникации. Практикуемый В.С. Степиным энциклопедический междисциплинарный дискурс, способность генерировать новые яркие идеи, облекать их в емкую и наглядную форму и доносить их до любой аудитории давали образец философской работы в публичном пространстве. Если бы можно было последние сорок лет российской философии связать с именем одного человека, то их, вероятно, назвали бы «эпохой Степина».

В.С. Лебедев

(издатель общественно-политического еженедельника
«Лебедь», США)

Слава Степин был в Минске человеком заметным, ярким. На его лекции народ валил валом со всего Минска. Особенно популярными были его лекции по эстетике. Много обсуждали авангард, всяких абстракционистов-экспрессионистов. Ну, и прошлых модернистов тоже.

Как-то я пошел на такую лекцию. С показом слайдов. Степин как бы положительно говорил о Фальке. И даже о Марке Шагале. В зале шумели и негодовали. Напирали все больше на идеологию. Мол, и Фальк, и Шагал, и прочие кандинские далеки от народа. Завихрения у них. Марк Шагал этот все время отставал от запросов времени. Я вставил: «Это точно. Чем дальше Шагал, тем больше отставал. Такой вот диалектический станковист». При этом я случайно дернул ногой и выключил проектор. Настала темень. Я заметил, что это художественное оформление лекции — иллюстрация «Черного квадрата» Малевича. Слава засмеялся. После лекции он подошел ко мне: «Это вы ловко пошутили про Шагала, который чем дальше, тем больше?» Было это в 1964 году. Так состоялось наше знакомство, превратившееся затем в тесную дружбу.

Март 1968 года — «Пражская весна». В Белоруссии работа по обезвреживанию опасных пражских весенних ростков была в самом разгаре. Нужны были фигуранты для мощного охранительного доклада по идеологии первого секретаря компартии Белоруссии П.М. Машерова. Чтобы не только общими словами клеймить, но и на конкретных примерах показывать результаты проведенной работы. Ну и для остротки другим. Чтобы неповадно было.

Фигурантом был выбран Слава Степин. Молодой, подающий большие надежды философ. Но оказался неразборчив в идеологических средствах. Не имел закалки идейной борьбы. Ум да знания далеко не все. Если нет идейной убежденности, то они только во вред. До КГБ доходили какие-то смутные донесения о том, что ведутся «среди нас» разговоры о неверных способах построения социализма руками эзков. О безнадёжности вести плановое управление экономикой, что партия есть вариант средневековой церковной структуры. Вот все это разложение и надо было показать на конкретном материале.

В то самое время в Минске процветал Игорь Добролюбов, молодой кинорежиссер, уже ставший известным благодаря своему фильму «Иду искать». Как написано в аннотации, этот фильм «о судьбе ученого, который проходит сложный путь в науке» — парафраз на «Девять дней одного года» Михаила Ромма. Добролюбов и Степин — в прошлом одноклассники.

Весной 1968 года Белорусский КГБ задумал весьма хитроумную двухходовку: Добролюбов приглашает к себе Степина и провоцирует его на политический разговор, который записывается. Но как это сделать, если 15 лет между бывшими одноклассниками нет общения? В «Белорусьфильме» находят еще одного деятеля — кинооператора Юрия Цветкова. Его жена учится на заочном факультете. Даже и не в нашем институте, а еще где-то. И ей якобы нужен зачет по эстетике, с чем Цветков и обращается к Степину. Слава легко согласился.

На следующий день Цветков звонит, благодарит, и говорит, что это дело надо бы отметить. Как раз Добролюбов приглашает. Давно не виделись, вот и повод есть.

Обыграли его тогда. Дома у Добролюбова сидят, коньяк, икра, приятная беседа.

— Скоро, — говорит Добролюбов, — настанет новый 1937 год.

— Не настанет, — отвечает Слава, закусывая балыком.

— Да это все ваша философская трепотня. Лишь бы языком молоть. Я тебе говорю, начнут сажать. Вон в Чехословакии что делается.

Славу не трудно было завести на умничания. А тут еще такая подначка — «философская трепотня», мол.

— Ладно. Для того чтобы доказать, что сейчас массовые посадки невозможны, я расскажу, почему они были не только возможны, но и необходимы в 1930-х годах.

И начал рассказывать. С самой революции: почему да отчего. Это и сейчас звучало бы неплохо, а уж тогда... Добролюбов отходил к соседнему столу, что-то там за картонкой с тортом шебуршил. Это уж потом мы легко вычислили, что переворачивал кассету, менял ее, да проверял уровень записи. Но Слава разошелся, и ни на что не обращал внимания.

Через пару недель объявляют, что в Политехническом институте будет проведен республиканский партийный актив и на нем выступит сам первый секретарь Петр Миронович Машеров.

У Славы были смутные опасения. Его отца, Семена Николаевича, в прошлом — секретаря Саратовского обкома и председателя комитета по радиовещанию Белоруссии (а это должность уровня министра) предупредили в неких общих словах что Машеров не просто так произнесет дежурную речь, а на острых примерах покажет. Кого-то из института распнут.

Актный зал был полон. Мы, как беспартийные, дежурили под дверью. Речь Машерова в месте, посвященном Славе, напоминала лучшие образцы риторики товарища Вышинского. Конец речи был ужасным и страшным: «паршивая овца», «урод в нашей славной семье», «сорную траву с поля вон». По ее окончании председатель собрания прошелестел дрожащим голосом:

— Пусть Степин выйдет, пусть покажется людям и объяснит, как дошел до такой жизни.

Слава выходит к трибуне. Говорит, что никогда не позволял себе никаких антиобщественных или антипартийных высказываний. Что он как раз доказывал, что после критики культа личности в стране восстановлены социалистические нормы и что поэтому никаких массовых репрессий теперь быть не может.

— Вы это бросьте, — резко оборвал его Машеров. — Я вот так держал в руках вашу речь. Я два раза прослушал вашу, с позволения сказать, лекцию. И могу сказать, что у вас выношенные,

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

можно сказать, зрелые антисоветские убеждения. Вы настроены явно антисоциалистически. Вы отрицали необходимость социальной революции, вы чернили методы построения социализма в СССР. Вы выразили полное неверие в то, что вообще социализм и, тем более, коммунизм может быть построен.

Слава, как он поведал нам сразу же после актива, понял, что всякие попытки оправдаться бесполезны. Поэтому он просто сказал, что если он что-то не так понимает в истории страны и в политике партии, то просит дать ему возможность углубленно изучить этот вопрос и работой исправить все свои ошибки.

Активисты доказывали свою верноподданность на один лад и призывали к расправе. Но старший товарищ Петр Миронович их поправил:

— Вячеслав Степин еще молодой человек. Талантливый философ и ученый. Он серьезно оступился. Но он, хочется верить, может быть, сумеет извлечь суровый урок из случившегося. И, может быть, сумеет загладить свою вину и принести пользу партии и народу.

Это было спасение. Вернее — надежда на спасение. Машеров был человек, искренне верящий в коммунизм. Признанный герой партизанской движения. Лично очень порядочный. Трудно сказать, что побудило его несколько осадить требовавших сурового наказания. Может быть, заслуги отца Славы, которого Машеров знал. Может быть то, что Слава не стал утверждать, что ничего подобного он не говорил.

Однако было важно, что скажет кафедра. И что — партком и ректорат института. Кафедра в целом вступилась за Славу. Осуждали, конечно, но мягко. Слово дали мне — все знали о нашей дружбе. Я посоветовал старшему другу тщательнее относиться к выбору собеседников. С этим неожиданно все дружно согласились. Даже коммунякам сильно не понравилось, что вот так сидишь, выпиваешь, анекдоты травишь, а приятель на тебя телегу строчит, да еще и разговор записал. Общий вывод: Степин нужен кафедре, и он должен оставаться здесь работать.

Партком и ректорат тоже были за Степина. Конечно, наказать нужно знатно. Куда денешься, ведь сам Машеров о нем такое говорил. Но и запасной ход оставили. Уловили, что можно дать строгий выговор с занесением (последняя мера перед исключением). Просили оставить Степина на кафедре как талантливого ученого. Знали, что за это парткому и ректорату ничего не будет — иначе как же, по словам Машерова, Степин сумеет загладить свою вину и принести пользу партии и народу?

Однако райком партии Степина из партии исключил. А это — конец не только карьеры, но вообще профессии. Тогда только на завод. Так ведь и на завод без разрешения партии не взяли бы. Слава подал апелляцию в горком. Он — там, мы с Аликом Шкля-

ром (нашим закадычным другом) — снова у входа. Ждали часа два — столько шло заседание горкома с персональным делом В.С. Степина. Наконец, появился:

— Слава, ну?

— Слава — в КПСС!

Мы обняли нашего командора. Выплыл! Конечно, со строгачом с занесением, но с этим можно жить. Почему случилось это чудо? Наверное, потому (самое главное), что на прием к Машерову пробился отец Славы Семен Николаевич. Он униженно молил «не губить сына». И был дан отбой в горком, и было даровано высочайшее помилование. Конечно, со ссылкой на решение кафедры и парткома с ректоратом с просьбой оставить Степина на кафедре с суровым наказанием. Ну, как же, партийная демократия. Учет мнения низовой партийной организации.

Все-таки — спасибо Петру Мироновичу. Если бы не благосклонность с его стороны, трудно сказать, как сложилась бы судьба Славы. А так, через три года, после снятия строгача, он ушел в докторантуру, откуда ему открылся путь в большую науку.

Д.И. Дубровский

(главный научный сотрудник Института философии РАН)

Я хочу рассказать не о научной деятельности Вячеслава Семеновича Степина, а о делах далеких от философии, но весьма ярко характеризующих его личность. Речь пойдет о его (и моем) увлечении походами на байдарках. Как-то в конце 1970-х годов Степин, зайдя ко мне домой, оказался свидетелем моего телефонного разговора с друзьями, позвонившими с предложением присоединиться к ним в походе по белорусским рекам. Степин, никогда прежде не ходивший на байдарках, загорелся и упросил нас взять и его. А уже через год он создал в Минске собственную кафедральную флотилию: приобрел три байдарки, а позже, кажется, четвертую и стал обучать своих коллег. Примерно в середине июля он позвонил и теперь уже сам пригласил меня в поход: «Давай, не пожалеешь. Идем по озерам Игналины, по протокам. Рыбы там полно, места — таких ты не видал!»

Через неделю я был в Минске. Тщательно просмотрел все оборудование, растолковал Степину и ребятам особенности прохождения по озерам. Там было опасно, если ветер и боковая волна.

На следующий день часам к двенадцати мы уже были у реки, собрали байдарки и ждали команды Степина. К себе в байдарку он взял молодую аспирантку, а меня посадил в другую, с одной своей коллегой. Погода стояла замечательная, настроение у всех приподнятое. Мы часа через два прошли речку, которая приводила к протокам Игналины. Эти протоки узкие, местами до трех метров,

обросшие по обеим сторонам высоким густым камышом. Но течение быстрое, требующее внимания. То и дело некоторых заносило в камыши, надо выпутываться обратно. Но все замечательно. Степин убавил свой начальственный вид. Шутил, подначивал. Весело поругивал въехавшего в камыши. Хотя и с ним это случалось из-за неумелой напарницы.

Решили не останавливаться на обед, а стать на стоянку пораньше, погулять по лесу, поискать грибов, ягод, а может и порыбачить, сварганить праздничный ужин.

Протока пошла широкая, быстрая, впереди маленькое озеро. Прошли его спокойно. За ним опять широкая и быстрая протока. Степин впереди, налегает на весла, я за ним. И вдруг, видимо, ошибся напарник, байдарка Степина разворачивается под прямым углом и задом быстро врывается глубоко в камыши. Послышался вскрик. Я сразу туда и вижу: в камышах какой-то большой заржавленный механизм с острыми краями, и Степин, напоравшись на него, ранил верхнюю часть руки. Ее разрезало прямо посередине между локтем и плечом сантиметров на восемь. Кровь разве что не хлещет. Я осмотрел рану: беда — разрез глубокий, почти по всей ширине руки.

Бинтом, смоченным в спирте, я прочистил рану, засыпал стрептоцидом, туго перевязал. Все дно байдарки в крови. Степин мужественно смотрел на это, не издавая ни звука. Переживал не столько за себя, сколько за нас.

Я взял бразды правления в свои руки и твердо сказал: «Картина ясная. Поход окончен. Надо срочно в больницу». Но куда? В деревне, откуда мы вышли, наверное, есть медпункт. Но до нее километров двадцать. Идти против течения, да еще на ночь глядя, по протокам, в которых легко заблудиться, не имеет смысла. Надо идти вперед. По карте где-то поблизости должна быть деревня. К тому же Степину надо лечь и быть в покое. Дно байдарки мы вытерли от крови, положили спальный мешок, на него аккуратно Степина, который был спокоен и даже иногда иронизировал. Я сел сзади за весла, и мы двинулись.

Вскоре нашли хорошую стоянку, и еще засветло ее оборудовали. Надули матрац, укрыли его вещмешком, положили Степина, а потом уже над ним соорудили палатку. Кровь сильно проступала сквозь бинт. Я решил еще раз перевязать рану. Бережно снял повязку и внимательно осмотрел руку. Порез был глубокий, сантиметра на полтора, но рана чистая, лишь в уголках запеклись капли крови. Я аккуратно перевязал ее, снова засыпав немного стрептоцидом. Теперь надо ждать до утра. Степин временами слегка постанывал, принимая лучшее положение. Температуры не было, что внушало надежду. Я его успокаивал, рассказывая разные фронтовые случаи. Он был спокоен. Иногда иронизировал в свой адрес, переживал, что срывается поход, временами впадал в забытие, как будто дремал. Потом ругал напарницу, которая так

резко развернула байдарку, а он не успел поправить. Примерно к двум часам ночи Степин заснул. Я обрадовался и тоже пытался поспать, но не получалось. Время от времени ощупывал его. К счастью, температуры не было.

Проснулся он часов в семь. Температура нормальная. Если при такой ране нет температуры, значит, дело идет на лад. Я стал перевязывать рану. На удивление она оказалась чистой, без отеков и нагноений, цвет мышечного разреза розовый. Забинтовал руку. Но нам нужен медпункт. До ближайшего села, судя по нашей замызганной карте, километров 25–30. С теперешним темпом езды, дай бог, добраться бы до вечера, к тому же протоки путанные, не заблудиться бы.

Степина опять положили на вещмешок, на дно байдарки. Поплыли. Пару раз он пытался сесть, но я в сердцах ругал его по-солдатски, и он подчинялся. Днем сделали привал. Развели костер, приготовили обед. Степина удобно посадили, подвязав ему раненую руку. Он пообедал с нами и заявил, что домой не уедет. «Это мы посмотрим», — подумал я про себя. Надо в больницу. Собрались ехать дальше.

Продвигались мы медленно, чтобы не наталкиваться на камыши и препятствия. Добрались до деревни уже в темноте. Никакого медпункта там не оказалось. Я опять сделал Степину перевязку, рана стала заметно лучше, и его самочувствие тоже. Но разрез был глубокий, больше сантиметра. Такую рану положено сшивать. Поужинали и легли спать. Степин вначале покряхтывал и ворочался, но потом крепко заснул и спал до утра. Утром я сделал ему перевязку. Настроение у него бодрое, сказал, что больше лежать не будет. Его удобно посадили впереди лицом ко мне. От этого байдарка стала тяжелее двигаться, но ему было веселее. Всех видит, пытается командовать.

Но проблема осталась. Нам нужна была больница или на худой конец медпункт. Километрах в десяти-пятнадцати от реки железная дорога, но как туда добраться? Далеко впереди поселок, но до него с полсотни километров. Близко маленькая деревушка. Держим на нее курс. Нужна квалифицированная медицинская помощь. Такая рана может осложниться. Я принял решение: добраться до деревушки, нанять там лошадь и довезти Степина до ближайшей больницы.

До деревушки добрались к середине дня. Три дома и ни живой души. Но по следам видно, что лошадь у кого-то есть. Раскинули лагерь и стали ждать. Вот уже вечер, а никого нет. Каким-то образом Степин узнал о моем плане и устроил невообразимый скандал. Ни за что никуда не уедет. У него рука уже почти зажила, он завтра будет грести. Кто все это придумал? Я еле его успокоил, объяснил, что в таких условиях возможно заражение и осложнение. Как бы рана ни заживала, резкие движения могут вызвать кровотечение, а это может привести к инфицированию. Причем вблизи нет никакой медицинской помощи. Степин поостыл.

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

Если двигаться в сторону Игналины, где есть крупные поселения, то надо переплывать два немалых озера. Тогда на байдарке должны быть два хороших гребца, чтобы не угодить под боковую волну и не перевернуться.

Я сделал ему перевязку, увидел, что есть улучшения, и немного успокоился. Переночевали мы в этой деревне, где так и не увидели лошади. Наутро снова перевязка — дела идут к лучшему, только сильно краснеют еще бугорки по линиям разреза. Степин с удовольствием рулил. Это помогало нам быстрее двигаться.

На седьмой день он взялся за весла. Греб на совесть. Я его охлаждал, но это только усиливало рвение. Я видел, что ему тяжело и больно, придумывал всякие разгрузки. «Ребята, — кричал я, — смотрите, какой грибной бор, надо бы сегодня грибов пожарить. Причаливаем минут на двадцать». Все радовались, а Степин оставался хмурым, понимал для чего это. Но выходил с нами, и когда находил белый гриб, радовался как ребенок.

Вечером, перевязывая рану, я заметил ухудшение. Начавшийся образовываться рубец становился красным, рука слегка припухла. Но самого Степина это не останавливало. На восьмой день рана и рука стали еще хуже. Я сильно поругался с ним и старался не давать грести, переключал на рули — мы как раз переходили озеро, и рулить было нужно. Потом еще был один такой «озерный» день. Наконец, устроили отдых: грибы, ягоды, рыбная ловля. Но последние дней пять он, несмотря на мои уговоры и хитрости, греб с утра до вечера, как все. Состояние раны действительно ухудшалось, но сладить с ним было невозможно. Он греб через боль, назло себе и мне, не подавая виду и не портя никому замечательного настроения. Все были убеждены, что он выздоровел: нашел в себе силы перетерпеть немного и не сорвать поход. Но я-то хорошо знал, чего это ему стоило.

По возвращении в Минск ему пришлось специально лечить руку, но все, в конечном итоге, обошлось, как нельзя лучше. Таков был характер Вячеслава Семеновича Степина, всегда сохранявшего верность своим друзьям и душевную отвагу.

Н.М. Смирнова

(главный научный сотрудник Института философии РАН)

Невозможно поведать в небольшой заметке обо всех глубоких идеях и замечательных достижениях В.С. Степина. Ограничусь лишь тем, что непосредственно сопряжено с философией человека. Надо сказать, о чем бы ни писал Вячеслав Семенович, — будь то проблемы методологии науки или философии культуры, — человек был и оставался в фокусе его философских изысканий. Он полагал, что любое философское

исследование следует начинать с того, что есть человек, и лишь затем углублять представления о нем через теорию познания, теорию практического действия, теорию ценностей. Исходным пунктом его философского анализа является отношение человека к миру: отношение к природе, к обществу и к духу.

Начав свою профессиональную деятельность с области, наиболее свободной от оков идеологического принуждения, — методологических проблем развития естественных наук, — Вячеслав Семенович неизбежно приходит к теоретическому синтезу естественнонаучных методологических изысканий с фундаментальными проблемами философской антропологии. Его «Философская антропология и философия науки» (1992) возвела проблему человека в ранг смыслообразующего, конститутивного измерения его концепции теоретического знания.

Сегодня в фокусе современной эпистемологии — телесно-ориентированные подходы к традиционной проблеме сознание-тело. Вячеслав Семенович мыслил и более современно, и (парадоксальным образом) с большей опорой на ныне не слишком популярные традиции. Высоко оценивая вклад К. Маркса в философскую антропологию, он не разделял универсализма формационного подхода, справедливого, по его мнению, для описания культурных предпосылок и социальной динамики лишь индустриального общества. В.С. Степин придавал принципиальное значение идее Маркса о «двутелесности» человеческой природы — природе биологической и природе как *неорганическом теле человека* — природной среды как материнского лона человеческой истории. Указывая на телесную обусловленность человеческого познания «первой природой», детерминированность познавательной деятельности человека не только его мозгом, но также и нервной и иммунной системами, Вячеслав Семенович способствовал философскому прояснению характеристик «второй природы». Он утверждал, что неорганическое тело человека, преобразованное его трудом, обладает сложной структурой, параметры которой могут выходить из-под его контроля. Неорганическое тело человека, по мысли В.С. Степина, организовано в разные типы систем. И если механические системы и системы с саморегуляцией так или иначе подвластны управлению со стороны человека, то саморазвивающиеся системы имеют собственную логику развития. Именно они как фактор техногенного риска оказались в фокусе его исследовательского внимания в качестве объекта современной *постнеклассической науки* (термин В.С. Степина).

Развитие науки, равно как и социальная динамика в целом, полагал Вячеслав Семенович, обусловлена не только развитием безличных производительных сил, но исторической эволюцией ценностей и жизненных смыслов человеческого мышления и дей-

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

ствия. Человеческие смыслы мышления и действия представляют собой сердцевину постнеклассической науки. В процессах культурных мутаций в каждой цивилизации неизбежно возникают точки роста новых ценностей — кристаллизация новых типов человеческого отношения к миру, другому и самому себе. Главная задача в исследовании цивилизационной динамики — выявление возникновения новых ценностей и жизненных смыслов в различных областях культуры.

Выдающийся вклад Вячеслава Семеновича в современную философию я вижу в том, что он вводит в социальную философию и философскую антропологию *смысловое измерение*. Для концептуального обоснования этого он прибегает к понятию генетического, или социокультурного кода социальной системы М.К. Петрова. Этот генетический код, по его мнению, и есть тип культуры в широком смысле этого слова.

Исследования В.С. Степиным культурных скреп общества были обобщены в разработанном им понятии *мировоззренческих универсалий культуры*. На различии в содержаниях универсалий культуры он основывает конститутивные ценностно-смысловые характеристики основных исторических типов цивилизации: традиционной, индустриальной и постиндустриальной. Универсалии культуры аккумулируют не только результат рационального постижения социокультурной реальности, но и ее переживания-проживания человеком своего времени — опыт повседневной жизни человека, запечатленный в его обыденном сознании.

Идея мутаций мировоззренческих универсалий культуры, сложным образом взаимодействующих с развитием экономической сферы общества, лежит в основе его понимания механизмов общественного развития. В таком понимании системного взаимодействия по типу обратной связи «тает», лишается философского смысла традиционное разделение на «материальное» и «идеальное» в общественной жизни. Это более сложный, современный, философски изощренный взгляд на основополагающие механизмы социального развития.

Цивилизационная типология В.С. Степина укоренена в экспликации обобщенных характеристик повседневности исторического типа цивилизации — ее ценностей и жизненных смыслов, воплощенных в универсалиях культуры. Это, конечно же, не единственно возможное основание цивилизационной типологии, но, на мой взгляд, самое перспективное в силу его выраженной человекообразности. Понятие цивилизации, по В.С. Степину, концептуально задано содержанием универсалий культуры. Такой подход означает, что социальный мир — это мир, светящийся смыслом, и именно смысловое измерение делает его собственным человеческим. Ибо человек с его ценностями и жизненными смыслами в концепции В.С. Степина — это не подстрочник соци-

альной структуры, не эпифеномен логики развития объективного духа или безличных производительных сил. В таком понимании, наоборот, цивилизационные образования предстают смысловой основой жизненного мира человека.

В.П. Визгин

(главный научный сотрудник Института философии РАН)

Впервые я обратил внимание на В.С. Степина на одном из звенигородских семинаров по методологии и философии науки и истории науки. Его выступление было ярким, ясным, аргументированным. Особенно запомнилось схематически оформленная реконструкция возникновения и «работы» научной теории в физике. Эта реконструкция была проведена на примере электродинамики Максвелла. Большое впечатление оставил сам Степин — высокий, симпатичный, серьезный, и в то же время умеющий легко и к стати шутить и быть светским собеседником. Женщины, помнится, были им очарованы. «Слава, Слава!», — так и слышу их обращение к нему. Я его никогда Славой не называл. Всегда по имени-отчеству. Но наши отношения были совершенно на равных, товарищеские, сфокусированные на теоретических проблемах. При встрече он никогда не тратил время на всякие административные или бытовые мелочи. Сразу брал «быка за рога». Его вдохновляли только идеи. В первую очередь, конечно, свои собственные. Кто-то, может быть, скажет — только эти идеи. Но, думаю, это не так. Он много читал, все просматривал. И если чувствовал в исследователе творческую жилку, пусть даже исследование было далеким от его интересов, всегда его поддерживал.

Помню встречи с ним в его необъятном кабинете академика-секретаря отделения РАН в нашем «доме» на Волхонке. Помню, как он показывал подарки, которыми его одаривали в командировках по всему свету. Однажды я у него размахивал всамделишной саблей. Была и еще какая-то казачья атрибутика. И мы с ним вели себя, как мальчишки. Были там у него еще какие-то подобные «артефакты».

Корнями своих знаний и интересов он уходил в близкую мне специальность — философию науки, в науковедение. Был он по интеллектуальному складу не столько философом в обычном смысле, сколько именно теоретиком. Философ-теоретик.

Вклад В.С. Степина в философию науки огромен. У нас долгое время философия науки «скрипела» по узкой разбитой колее проблем, наперед задаваемых эталонными, идущими от прописного марксизма оппозициями: эмпирическое и теоретическое, логическое и историческое, универсальное и партикулярное и т.п. Но уже к началу 1970-х годов лед тронулся. Стремительным тем-

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

пом стали складываться и развиваться науковедческие работы, а также близкие к ним разнообразные по методологии историко-научные исследования. Все это сопровождалось бумом новых идей в философии науки, а также массированным импортом западной методологической мысли. Кун, Поппер, Лакатос, Фейерабенд, Поланьи, Тулмин, потом социология знания и науки, разные эпистемологии и т.д. — все это каскадом входило в поле исследований, становясь в центр рефлексии. Степин здесь был центральной фигурой. Его классификации, его таксономия стали достоянием учебных программ всей страны и получили развитие далеко за ее пределами. Кто не слышал выражения «постнеклассическая наука»? Степин стал лидером. Его идеи и слова — важно и то, и то — вошли в резонанс с общественными трендами в интеллектуальной сфере, в осознании феномена науки и техники, а потом и культуры, цивилизации в целом.

Удивительно светлый человек! Он был энтузиастом философской науки, и свет высокого бескорыстного когнитивного эроса озарял его целиком. Редко можно было встретить человека с подобной доброжелательностью к людям. Забыть такого человека невозможно!

Ф.Н. Блюхер

(ведущий научный сотрудник Института философии РАН)

Я впервые услышал о В.С. Степине на четвертом курсе философского факультета во время спецкурса по методологии науки. Познакомил же нас В.Г. Горохов в 1988 году. Я уже тогда работал в Институте философии несколько лет. Однажды в Институте было создано общее собрание, на котором нам представили В.С. Степина в качестве нового директора. В самом разгаре была Перестройка, и сам факт, что Президиум РАН предъявил коллективу Института безальтернативную кандидатуру нового директора, без возможности обсуждения и проведения тайного голосования, вызвал возмущение. Никто не ставил под сомнение авторитет В.С. Степина как ученого, многие сотрудники Института знали его лично и были в с ним дружеских отношениях, но нарушение демократической процедуры многим казалось неприемлемым. Слово взял Вячеслав Семенович:

«Все правильно, — сказал он, — вы меня не выбирали. Давайте же сделаем так. Я поработаю год “исполняющим обязанности”, а потом устроим собрание сотрудников и проведем тайное голосование. По его результатам и будем судить, оставаться мне дальше директором или уходить». С этим предложением все согласились.

Иногда наступают времена, когда от разговоров о сути дела зависит дальнейшая жизнь. Таким временем стал 1992 год. Я был назначен ученым секретарем Института философии, и мне приходилось постоянно участвовать в формальных и неформальных обсуждениях институтских дел. Осенью 1991 года я предложил Вячеславу Семеновичу перестроить работу Института с идеологической на «научную» путем издания энциклопедий и словарей, ориентированных на сохранение классической философской мысли. Он возразил: «Основная задача ученого — открывать новое знание. Без открытия “нового” труд ученого обесмысливается. Сохранение и передача знаний — очень важная задача, но она вспомогательная для самой сути работы ученого. Институт должен заниматься наукой». В 1992 году Институт столкнулся с множеством острых проблем: отсутствие денег на зарплату, на аренду здания, потеря у власти интереса к научным исследованиям, в первую очередь социально-гуманитарным, снижение востребованности философии в обществе, усиление позитивистски-сциентистских наскоков на философию. Нужно было определиться с новой стратегией Института, в соответствии с которой ставились бы значимые для общества и для развития философии задачи. Каковы приоритеты Института — философия, сам Институт как учреждение Академии наук, здание на Волхонке, сотрудники Института? Вот тогда-то и вспомнился тот разговор о предназначении Института. В конечном счете, Институт работает для развития науки. Научные открытия делают ученые. Поэтому цель работы Дирекции заключается в том, чтобы сделать работу ученых целесообразной. Отсюда и вся дальнейшая последовательность действий: сдача помещения в субаренду, на полученные деньги — оплата аренды, покупка станков для типографии, закупка компьютерной техники и т.д.

Попав в Москву в рамках горбачевской компании демократизации, В.С. Степин далеко не сразу смог вписаться во властные и научные круги. Обычно конфигурация власти, в том числе и в Академии наук, происходила внутри этих групп. Не с первого раза выбрали В.С. Степина академиком РАН, и были академики, которые ему на это указывали. Ему нужны были люди со связями, ими стали А.А. Яковлев, Л.Н. Митрохин, Д.П. Грибанов и некоторые другие, имевшие выходы на людей во власти. Постепенно он сам обрастал нужными знакомствами. На его стороне играло время и перемены. В конце 1980-х — начале 1990-х годов московская номенклатура оказалась сильно разбавлена интеллектуалами из крупных промышленных центров Союза. Оказалось, что некоторые из них знают и его имя, и его книги. В эти годы он сближается с А.А. Гусейновым, который становится его единомышленником и другом до конца дней. «Лихие 90-е» прошли, в стране наступила стабилизация.

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

Философию признали частью национального наследия, и на сохранение музейных экспонатов стали выделять бюджетные деньги.

Как всякий нормальный ученый, В.С. Степин не был «демократом» в широком смысле этого слова. Вплоть до того, что однажды полушутейно стал доказывать нам с Л.Н. Митрохиным, что все беды Перестройки начались с того, что люди, подобные нам... стали ходить на работу в джинсовых куртках. Решения В.С. Степин принимал в узком кругу специалистов, выслушав различные точки зрения. Ответственность за действия всегда нес только сам.

В.С. Степин принадлежал к поколению моих родителей, и поэтому я его хорошо понимал. Это были советские интеллигенты. На первом месте для них стояла «Работа», которая была для них «Делом» их жизни. При этом понятия «Дело» и «Родина» были синонимами. Для него было характерно отсутствие как партийного лоска, так и диссидентского пафоса, абсолютное неприятие высокомерия, легкое пренебрежение не только западными ценностями, но и какое-то глубинное знание того, что советская культура лучше западной. Он вообще был очень советский, и даже в своих расхождениях с официальной «социалистической» идеологией оставался человеком своей эпохи. Но и эта эпоха постепенно оставалась в прошлом. Оторванными листками календаря стали смерти друзей — тех, кто были для него собеседниками и оппонентами. «Институт уже не тот, — отмечал В.С. Степин, — сужается поколение свободных веселых интеллектуалов». С уходом Вячеслава Семеновича круг свободных веселых интеллектуалов стал еще меньше.

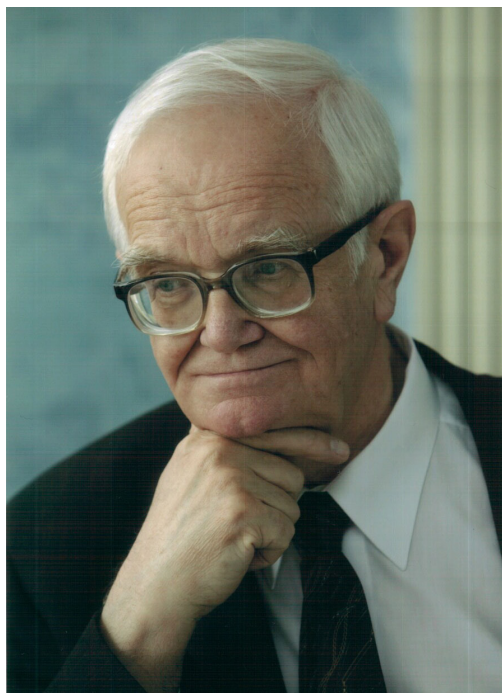
В.Г. Буданов

(главный научный сотрудник Института философии РАН)

Все грани яркого жизненного пути Вячеслава Семеновича Степина еще предстоит описать биографам-науковедам, мне же хочется поделиться, как и многим, воспоминаниями о его личных качествах. На протяжении четверти века я имел счастливую возможность быть наблюдателем и участником в его научной творческой лаборатории, в совместных проектах, внутренних семинарах, лекционной деятельности, многочисленных интервью и беседах. Нас познакомил в 1992 году на конференции «Наука, философия, религия» в Дубне В.И. Аршинов, с которым мы вместе посещали знаменитый семинар «Синергетика» на физфаке МГУ. В.С. Степин уже тогда интересовался синергетикой и ее междисциплинарными приложениями, а мне было тес-

новато в дисциплинарных рамках ее применения в естествознании, нам было что обсудить. По его инициативе в 1992 году был создан сектор «Философии самоорганизации и постнеклассической науки» во главе с В.И. Аршиновым (в 2006 году он был переименован в сектор «Междисциплинарных проблем научно-технического развития»). Мы неоднократно предлагали Вячеславу Семеновичу его возглавить, но он всякий раз отшучивался, что «надоело командовать», хотя оставался нашим безусловным научным лидером. С сектором дружили многие классики синергетики: С.П. Курдюмов, С.П. Капица, Д.С. Чернавский, Н.Н. Моисеев, Ю.А. Данилов, в том числе из интереса к личности Степина и его философским интерпретациям синергетики. В 1993 году был подготовлен проект федеральной программы дисциплины «Концепции современного естествознания» для гуманитариев, в нем Вячеслав Семенович активно участвовал, горячо поддерживая продвижение курса в российских вузах. Тогда же я впервые познакомился с феноменом Степина-лектора. Невозможно было устоять против захватывающего потока мысли, поданной с интеллектуальным изяществом, экскурсами в историю науки и культуры, эмоциональным переживанием научных открытий, юмором, поэтическими иллюстрациями. Формально завершенная, его лекция еще долго продолжалась в ответах на многочисленные вопросы. Обаяние Вячеслава Семеновича, открытость и щедрая доброжелательность к людям, особенно к молодежи, были удивительны. Он был мощным харизматиком от науки, скорее даже проповедником, но с самоиронией, без тени самовосхваления и пошлой экзальтации.

Дальше произошло необъяснимое. Я, зрелый сорокалетний физик-теоретик, готовивший к защите докторскую, был приглашен Вячеславом Семеновичем на работу в ИФ РАН. Не принять такое предложение было нельзя, хотя я и не понимал четко, зачем я радикально меняю одно научное поприще на другое, причем такое, о котором имел тогда весьма смутное представление. Правда, человеку с физфака не давали читать курс «Концепции современного естествознания» на гуманитарных факультетах, а сотруднику Института философии — пожалуйста. Конечно, я был польщен предложением Вячеслава Семеновича. Но свою основную роль сыграла магия личности Степина, а не житейская

В.С. Степин.
2015

Вспоминая
Вячеслава
Семеновича
Степина

прагматика. Я понимал, что мне действительно интересны идеи мэтра, его интеллектуальный порыв, а он готов прислушиваться к моим. Возникал микроколлектив сотворческих дискуссий с ним и В.И. Аршиновым. В последние годы к нам присоединился и В.Л. Васюков. Нас объединяли и общая база физического образования, знания истории и философии науки, современных ее достижений, но главное – стремление к целостности научной картины мира. Мы дополняли, оппонировали и «заводили» друг друга. Сегодня я понимаю, что такого спарринга не хватало и Степину, а я, видимо, дополнял систему до критической массы коллективного творчества. При этом Вячеслав Семенович не допускал соавторства в статьях. Отнюдь не из ревности к чужим идеям или из чувства собственного превосходства — ни то, ни другое ему не было свойственно. Просто обычно он находил обсуждаемые идеи в своих ранних работах или у забытых классиков, а его планка изложения и аргументации была существенно выше нашей. Его стиль, на мой взгляд, безупречен в своей простоте и убедительности: там не было места и строчке чужого текста, и мы этот перфекционизм прекрасно понимали и принимали. Последние десять лет Вячеслав Семенович расширял свое понимание типов научной рациональности на гуманитаристику и культуру в целом. Тогда начались семинары в его кабинете со специалистами института в области философии духа, параллельно он увлекся историей медицины и работал с ведущими медиками РАМН, показав, что многие понятия системно-синергетического подхода в медицине были открыты еще в XIX веке. В самое последнее время он развивал свои представления о типах цивилизационного развития и универсалиях культуры в прогнозах будущего человечества, пытался применить свои подходы к истории математики и современной теории сложности. Его проект построения общенаучной картины мира и новой методологии, еще требующий завершения, был грандиозен, под стать разве творцам эпохи Возрождения или огромному коллективу современных ученых-единомышленников, но он-то работал почти в одиночку. Еще недавно его дух был крепок, интеллект и эрудиция по-прежнему блистательны, бесконечные дискуссии с ним приносили взаимное наслаждение, но все чаще проскальзывали жалобы, что уже не может он работать по шестнадцать часов в сутки, а надо столько успеть.

Последние два года мы с горечью и бессилием наблюдали, как он таял буквально на глазах. Он, прекрасный спортсмен, не любил лечиться, и роковой диагноз поставили слишком поздно, всего за месяц до его ухода, хотя он допускал такой исход и говорил об этом совершенно спокойно, стоически. Живой образ подлинного Ученого и нашего Учителя мы донесем молодым исследователям, а его идеи и научный стиль будут вдохновлять еще не одно поколение философов.